

Положение России в мировой экономике: сценарии и прогноз

М.С. ГУСЕВ, кандидат экономических наук. E-mail: m.gusef@mail.ru
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва
ORCID – <https://orcid.org/0000-0002-8858-2206>

Аннотация. Зависимость развитых стран от импорта промышленных товаров, разбалансированность внешнеторговых потоков, экологические ограничения и высокое социальное расслоение наряду с беспрецедентной долговой нагрузкой разрушают сложившуюся модель глобализации. В этих условиях возрастает актуальность разработки сценариев развития мировой экономики и поиска новых вариантов интеграции экономики России в мировое хозяйство, альтернативных сырьевой специализации. Данная статья посвящена рассмотрению сценариев развития мировой экономики и оценке потенциала экономического роста в России в условиях сохранения сырьевой специализации в международной торговле при различных сценариях развития мировой экономики. С учетом разработанных сценариев рассматриваются преимущества и недостатки отдельных вариантов интеграции экономики России в мировое хозяйство.

Ключевые слова: международная интеграция; внешняя торговля; внешне-экономическая стратегия; протекционизм; долгосрочное развитие; структурно-инвестиционная политика

Введение

Ключевые тенденции развития мировой экономики, которые наблюдались в последние десятилетия, не позволяли рассчитывать на значительный вклад внешнего спроса в темпы экономического роста в России. Речь идет прежде всего о замедлении мировой торговли и ускорении научно-технического развития. Данные факторы в конечном счете привели как к существенному замедлению мирового спроса на основные товары российского экспорта, так и к росту предложения углеводородов (стремительный рост добычи сланцевой нефти в США и развитие мирового рынка СПГ). Эти факторы в совокупности с ростом капиталоемкости новых российских проектов в области добычи полезных ископаемых их первых переделов существенно снизили потенциал экономического роста с опорой на топливно-сырьевой комплекс.

Более того, в результате развития пандемии COVID-19 в начале 2020 г. указанные тенденции глобального развития только

усилили свое действие на текущие и перспективные объемы поставок российских углеводородов и других первичных ресурсов на мировой рынок. Таким образом, в условиях, когда потенциал долгосрочного экономического роста в российской экономике снизился, остро встает необходимость поиска новых вариантов интеграции России в мировое хозяйство.

В качестве методологической базы разработки сценариев развития мировой и российской экономики в данной работе использовались межотраслевое моделирование на основе таблиц затраты-выпуск и построение агрегированных производственных функций. Базы данных для расчетов включали таблицы затраты-выпуск для мировой экономики WIOD, данные ОЭСР о вкладе труда, капитала и совокупной производительности факторов в экономический рост, данные МВФ о среднесрочных перспективах развития мировой экономики, данные ОЭСР о декомпозиции внешнеторговых потоков в терминах добавленной стоимости, данные ВТО о динамике мировой торговли.

Сценарии развития мировой экономики

К настоящему моменту в развитии мировой экономики сформировались две ключевые тенденции. *Первая из них связана с замедлением темпов глобализации*, что отчетливо прослеживается в период после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. [Constantinescu et al., 2015].

Увеличение зависимости развитых стран от импорта промышленной продукции, в том числе высокотехнологичной, дисбалансы во внешней торговле и растущее социальное неравенство наряду с финансовыми ограничениями глобального характера заставляют крупнейшие экономики мира все чаще отходить от следования идеям свободной конкуренции в международной торговле. На практике это выражается в стремлении обеспечить конкурентоспособность национальных производителей за счет заниженного валютного курса, ограничений на импорт товаров, различного рода санкций. Дальнейшее углубление глобализации наталкивается на ограничения фундаментального характера, главным из которых является неготовность развитых стран отдавать все большую долю внутреннего рынка зарубежным производителям [Гусев, 2019].

Между тем в развитых странах сформировались ограничения социально-экономического развития, которые носят внутренний характер. К ним прежде всего следует отнести достижение высокого уровня насыщения базовых потребностей общества в части обеспеченности населения товарами длительного пользования и недвижимым имуществом. В ряде стран эти ограничения дополняются негативной демографической динамикой и общим старением населения. Это означает, что поддержание или повышение темпов экономического роста становится возможно в основном за счет ускоренного развития экономики знаний, что способствует поддержанию приемлемых темпов роста производительности труда в условиях ухудшающейся демографической ситуации.

Ограничения, связанные с невозможностью поддержания высокой интенсивности интеграционных процессов, формируют *вторую ключевую тенденцию в развитии мировой экономики, которая состоит в реиндустриализации развитых стран*. Данная тенденция выражается в снижении зависимости от импорта на основе ускоренного технологического развития в развитых странах и замещении внешнего спроса, как главного фактора экономической динамики, внутренним в развивающихся. Как результат – нарастание разрывов показателей эффективности производства между развитыми и развивающимися странами.

При этом реиндустриализация означает, во-первых, замещение импорта промышленной продукции за счет снижения затрат на труд в результате автоматизации, и, во-вторых, создание новых высокотехнологичных производств, ориентированных на выпуск продукции для рынков сбыта, которые находятся на данный момент на этапе становления или сформируются в среднесрочной перспективе [Гусев, 2016].

Основным целевым ориентиром реиндустриализации является повышение конкурентоспособности, но не только за счет технологий, а также за счет институциональных реформ, развития финансового сектора, повышения гибкости рынка труда и инвестиций в НИОКР и человеческий капитал. Технологическим базисом реиндустриализации развитых стран становится опережающее развитие цифровой экономики.

С макроэкономической точки зрения реализация **сценария замедления темпов глобализации и реиндустриализации развитых стран** означает для этих стран снижение зависимости от внешнеторгового обмена, повышение нормы накопления для финансирования развития новых производств и обновления инфраструктуры, рост затрат на НИОКР по отношению к ВВП, снижение доли потребления домохозяйств в ВВП, опережающий рост инвестиций и производительности труда в высокотехнологичных отраслях экономики, прекращение роста доли импорта во внутреннем потреблении, сохранение тенденций повышения эффективности использования первичных ресурсов.

Для развивающихся стран данный сценарий оборачивается снижением нормы накопления и ростом доли потребления в ВВП с целью компенсации замедления динамики экспорта продукции на рынки развитых стран. Сокращение притока иностранных инвестиций из развитых стран замедлит трансфер технологий в развивающиеся и, соответственно, будет сдерживать в них рост производительности труда. Снижение темпов научно-технического развития развивающихся стран будет означать относительное увеличение зависимости от импорта первичного сырья, зарубежных комплектующих и оборудования.

Описанный сценарий рассматривается в качестве базового при разработке в ИНП РАН долгосрочного прогноза мировой экономики.

Альтернативный сценарий поддержания тенденций глобализации при отсутствии реиндустриализации в развитых странах позволит еще какое-то время формировать дополнительные объемы доходов от развития масштабов глобальной торговли. В то же время он не устраняет проблемы с перераспределением доходов внутри развитых экономик¹. Таким образом, при его реализации возникает необходимость модернизации сложившихся трансмиссионных механизмов (в том числе – в части налоговой и бюджетной политики) и формирования

¹ Эта проблема связана с неравномерным распределением дохода среди населения в развитых экономиках – в последние несколько десятилетий (как раз в период активной глобализации) в развитых странах росли главным образом доходы наиболее богатых групп. Это связано с медленным ростом заработных плат наемных работников, что было обусловлено в том числе выносом производств в развивающиеся страны. В результате, если сохранять все как есть – это приведет к неприемлемому расслоению общества по доходам.

новых механизмов изъятия сверхприбылей крупных корпораций с целью выравнивания уровня доходов внутри общества [Гусев и др., 2018].

Сохранение высокой интенсивности интеграционных процессов в мировой экономике будет возможно при условии, если текущие ограничения на расширение международной торговли и кооперации будут относительно быстро преодолены. Для чего необходимо восстановление долгового мультипликатора экономического роста, снижение ограничений на международное движение капитала, восстановление динамики долгового финансирования и потоков ПИИ, дальнейшее сокращение относительных издержек на транспортировку и коммуникации. Критически важны также отсутствие опережающего роста цен на энергоносители и продолжение трендов по снижению энергоёмкости в развитых и развивающихся странах.

Реализация данного сценария означает сохранение ускоренных темпов роста технического прогресса, эффективности производства и производительности труда в развивающихся странах (правда, при этом возникает опасность разбалансировки рынка труда и появления существенного избытка трудовых ресурсов, что формирует жесткие требования к минимально необходимым темпам экономического роста). Кроме того, извлечение дополнительных выгод от углубления международного разделения труда будет означать опережающий рост экспорта из развивающихся стран и сохранение торгового дефицита в США.

В долгосрочной перспективе конкурентное преимущество развивающихся стран в дешевой рабочей силе будет уменьшаться. Следовательно, будет снижаться рентабельность инвестиций в производство отдельных групп трудоемкой продукции на их территории для последующего ее экспорта. Таким образом, даже в условиях сохранения тенденций глобализации эластичность мирового экспорта по мировому ВВП будет снижаться.

Сценарий поддержания тенденций глобализации при отсутствии реиндустриализации в развитых странах предполагает, что мировая экономика будет расширяться с темпами, близкими к потенциально возможному, что будет обеспечено за счет более эффективного использования трудовых и инвестиционных ресурсов в условиях снижающихся торговых барьеров и отсутствия политических и экономических факторов, препятствующих

трансферу технологий в развивающиеся страны. Основными факторами роста в развивающихся странах останутся инвестиции и экспорт, в развитых – конечное потребление (то есть предполагается более полное использование имеющихся трудовых ресурсов и быстрый рост инвестиций). Тенденции по замещению внутреннего производства импортом, которые наблюдались как в развитых, так и в развивающихся странах в период 2000–2008 гг., сохранятся, а это значит, что продолжится накопление и усиление дисбалансов во внешней торговле между развитыми и развивающимися странами.

Долгосрочный прогноз экономического роста в России в контексте альтернативных сценариев развития мировой экономики

Результаты вариантных прогнозных расчётов по определению темпов прироста ВВП отдельных стран и мира в целом в рамках базового сценария, предусматривающего замедление темпов глобализации и реиндустриализацию развитых стран и альтернативного сценария, предполагающего поддержание тенденций глобализации при отсутствии реиндустриализации в развитых странах, представлены в таблице 1. Согласно полученным оценкам по **базовому сценарию**, средние годовые темпы прироста ВВП за период 2020–2050 гг. могут составить: для мировой экономики – 2,9%, для США и Евросоюза – 1,9% и 1,7%, для Японии – 0,6%, для Китая – 3,0%, для Индии – 4,5%. Динамика ВВП как отдельных стран, так и всей мировой экономики в прогнозном периоде характеризуется снижением темпов роста. Например, в 2046–2050 гг. средние годовые темпы прироста мирового ВВП будут на 0,8–1 п.п. ниже, чем в 2016–2025 гг.

Превышение темпов роста таких стран, как Китай, Индия и Индонезия, над темпами роста развитых стран, которое наблюдалось в ретроспективе, сохранится и в прогнозном периоде, но масштаб этих различий к 2050 г. снизится до 0,1–0,9 п.п. с нынешних 4–6 п.п.

По нашим расчетам, средние годовые темпы прироста ВВП за период 2020–2050 гг. могут составить: для мировой экономики – 3,2%, для США – 1,6%, для Евросоюза – 1,4%, для Японии – 0,5%, для Китая – 4,4%, для Индии – 5,4%.

Таблица 1. Прогноз развития мировой экономики в рамках базового и альтернативного сценариев (2016–2050 гг.)

Страна	2016– 2020	2021– 2025	2026– 2030	2031– 2035	2036– 2040	2041– 2045	2046– 2050
<i>Базовый сценарий. Замедление темпов глобализации и реиндустриализации развитых стран</i>							
Канада	1,9	1,7	1,8	1,7	1,9	2,0	1,9
США	2,3	1,6	1,8	1,9	1,9	2,0	2,0
Австралия	2,4	2,6	2,5	2,4	2,8	2,8	2,8
Япония	0,9	0,5	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6
Бразилия	0,3	2,3	2,6	2,5	2,0	1,6	1,5
Китай	6,4	5,7	3,4	3,1	3,0	2,9	2,7
Индия	7,1	7,4	4,2	4,0	4,0	3,9	3,5
Россия	1,4	2,0	2,1	2,3	2,4	2,4	2,4
Индонезия	5,1	5,3	4,5	4,2	3,6	3,2	2,9
Мексика	1,7	2,2	2,4	2,5	2,6	2,5	2,3
Турция	3,3	3,2	2,9	2,7	2,8	2,8	2,8
Евросоюз	2,0	1,6	1,8	2,0	1,8	1,7	1,6
Мир	3,4	3,6	3,0	2,9	2,8	2,7	2,6
<i>Альтернативный сценарий. Поддержание тенденций глобализации при отсутствии реиндустриализации в развитых странах</i>							
Канада	1,9	1,6	1,5	1,5	1,7	1,7	1,7
США	2,3	1,5	1,6	1,6	1,6	1,6	1,7
Австралия	2,5	2,4	2,2	2,0	2,3	2,3	2,4
Япония	1,0	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Бразилия	0,6	2,8	3,2	3,0	2,4	1,9	1,8
Китай	6,6	6,0	4,7	4,2	4,1	3,9	3,7
Индия	7,5	7,9	5,5	5,0	5,0	4,9	4,4
Россия	1,5	3,0	2,9	2,8	2,8	2,8	2,8
Индонезия	5,6	5,5	4,9	4,5	3,9	3,4	3,1
Мексика	2,1	3,4	3,6	3,2	3,4	3,2	2,9
Турция	3,4	3,6	3,4	3,1	3,2	3,2	3,2
Евросоюз	2,1	1,4	1,5	1,6	1,4	1,4	1,3
Мир	3,5	3,7	3,4	3,2	3,1	3,0	2,9

Источник: прогноз МВФ до 2024 г. (окт. 2019); расчеты ИНП РАН.

В альтернативном сценарии, благодаря отсутствию ограничений на движение капитала, трансфер технологий в развивающиеся страны и международную торговлю, развивающиеся страны достигают более высоких темпов роста, что в целом способствует повышению темпов роста мировой экономики относительно базового сценария. При этом развитые страны демонстрируют более медленные темпы экономического

роста, что связано в первую очередь с ростом доли импорта на внутреннем рынке и сокращением доли обрабатывающей промышленности в выпуске.

Темпы экономического роста России в прогнозируемый период будут определяться динамикой внешнего спроса. Как показывают наши расчеты, в обоих сценариях они будут недостаточны для обеспечения высоких темпов развития нашей экономики. На существующей технологической базе, без сдвигов в структуре экспорта, среднегодовой экономический рост в России не превысит 2,8%.

Специализация в экспорте первичных ресурсов как ограничение долгосрочного экономического роста

Включение российской экономики в мировое хозяйство в начале 1990-х, либерализация внешнеэкономической деятельности и внутренних цен, отказ от проведения промышленной политики привели к тому, что международная специализация России на поставках углеводородов и другого первичного сырья (металлы, удобрения, крупнотоннажная химия, древесина, зерно) существенно усилилась. Главным образом это произошло за счет переориентации поставок сырья с внутреннего рынка на внешний из-за падения внутреннего спроса.

Так, если с 1995 г. по 2013 г. доля углеводородов в мировом экспорте выросла на 10% (в основном под воздействием опережающего роста цен на углеводороды), то в России за этот же период доля углеводородов в экспорте увеличилась с 43% в 1995 г. до 71% в 2013 г. При этом доля высокотехнологичной продукции в российском экспорте в 2017 г. составила 2,5% (как и в 1995 г.) по сравнению с 20% в среднем по миру.

Специализация на обмене первичного топлива и сырья на продукцию высоких степеней обработки является причиной относительно низкой включенности российской экономики в глобальные цепочки создания стоимости. Данный тезис подтверждается показателями связанности экономики России с крупнейшими торговыми партнерами (табл. 2).

Таблица 2. Увеличение выпуска в российской экономике, вызванное ростом производства на 1000 долл. США в странах – торговых партнерах, долл.

Страна	Прямые эффекты торговли	Полные эффекты с учетом распределения дополнительных доходов	Соотношение
Германия	17,3	25,5	1,47
США	3,5	6,2	1,77
Китай	9,8	17,5	1,79
Индия	7,9	9,6	1,22
Польша	68,5	105,3	1,54
Венгрия	26,2	34,3	1,31
Турция	24,8	37,9	1,53
Литва	110,6	141,7	1,28
Латвия	86,1	128,0	1,49

Источник: расчеты ИНП РАН на основе данных базы данных WIOD.

Представленные в таблице данные позволяют говорить о том, что российская экономика достаточно слабо вовлечена в производственные цепочки крупнейших стран. Например, в ответ на рост выпуска в экономике США на 1000 долл. прямой мировой спрос на российскую продукцию растет всего на 3,5 долл., чуть выше этот показатель при аналогичном росте в Китае – 9,8 долл. [Гусев и др., 2018].

Увеличение доли углеводов и другой первичной продукции в российском экспорте в условиях практически открытого внутреннего рынка привело к замещению отечественной продукции импортом. Наиболее сильно импорт присутствует на внутреннем рынке наукоемкой продукции – электроника, фармацевтика, машины и оборудование, химическая продукция. В результате произошло снижение спроса на отечественные инновации, их замещение импортными технологиями и готовой продукцией, сжатие отечественного сектора НИОКР.

Например, только затраты отечественных компаний на закупку зарубежных НИОКР составляют, по самым скромным оценкам, около 1,5% ВВП. К этой цифре необходимо прибавить стоимость импортного оборудования, без которого невозможно воспользоваться результатами зарубежных НИОКР.

Но даже если оставить в стороне проблемы негативного воздействия сырьевой специализации на остальные сектора экономики, следует понимать, что существенное повышение уровня

жизни в России до показателей развитых стран не может быть основано исключительно на экспорте первичного сырья.

На сегодняшний день Россия является крупнейшим в мире экспортером топливно-энергетических и сырьевых товаров. Страны, которые идут в этом списке вслед за нами (кроме Ирака и Ирана), имеют существенно более высокий уровень подушевого ВВП. Однако, если учитывать численность населения и долю экспорта углеводородов в товарном экспорте, оказывается, что большинство из них экспортируют гораздо больше углеводородов на душу населения, чем мы (табл. 3).

Таблица 3. Экспорт углеводородов и уровень подушевого ВВП в 2017 г. стран-экспортеров

Страна	Чистый экспорт углеводородов, млрд долл. США	Доля углеводородов в товарном экспорте, %	Чистый экспорт углеводородов на душу, долл. США	ВВП на душу по ППС, США =100
Россия	209,6	59	1452	42
Саудовская Аравия	173,5	71	5375	94
ОАЭ	107,6	38	11606	126
Катар	57,9	86	22516	220
Ирак	55,1	96	1481	30
Иран	55,1	63	686	34
Канада	54,9	20	1514	77
Норвегия	54,5	57	10409	100
Австралия	45,8	30	1892	82
Кувейт	43,1	79	10638	128

Источник: расчеты автора по данным ООН и Мирового банка.

Например, уровень подушевого ВВП в таких странах, как Норвегия, Кувейт, Катар, ОАЭ, Саудовская Аравия, равен или превосходит США, но эти страны экспортируют углеводородов на душу в денежном выражении в 4–15 раз больше, чем Россия.

Кроме того, сохранение специализации в производстве и экспорте углеводородов для России будет означать низкую динамику экспорта и, соответственно, экономического роста, так как при опережающем росте ВВП относительно экспорта будут возрастать риски девальвации рубля из-за опережающего роста импорта.

Учитывая темпы роста мировой экономики и стран – основных потребителей российских товаров, а также динамику энергоемкости ВВП наших торговых партнеров, можно ожидать, что среднегодовые темпы внешнего спроса на российские

углеводороды и другие сырьевые товары не превысят 2% в год. Такая динамика достаточна для развития отечественного ТЭК и обеспечения существенного вклада со стороны ТЭК в темпы экономического роста. Однако при отсутствии других факторов роста она не позволит обеспечить его динамику выше 2,8% в год.

Более того, складывающиеся в настоящее время долгосрочные тенденции развития мировых энергетических рынков с высокой вероятностью могут привести к существенному торможению спроса на нефтепродукты со стороны потребителей энергии в ближайшие 10–20 лет. На горизонте 2040–2045 гг. существует объективная возможность прохождения пика мирового спроса на нефтепродукты.

Основные факторы, которые могут привести к стагнации и даже снижению мирового спроса на нефтепродукты связаны с научно-техническим развитием. К ним можно отнести: общее повышение энергоэффективности в результате автоматизации и цифровизации, переключение на другие виды моторного топлива в автотранспорте, рост доли возобновляемых источников энергии. К данным факторам добавляются и новые ориентиры в сфере экологии и климата, ограничивающие потребление нефтепродуктов.

Таким образом, в ближайшие десятилетия специализация России в системе международного разделения труда на принципах обмена первичного сырья на продукцию для конечного потребления будет иметь возрастающее негативное влияние на долгосрочный потенциал экономического роста, что обусловлено, прежде всего, снижением ресурсоемкости производства в развивающихся странах и стагнацией в объемах потребления первичных энергоресурсов в развитых странах. Более того, в сценарии перехода к низкоуглеродной энергетике весьма вероятно не только стагнация российского экспорта углеводородов, но и его сокращение в физическом выражении, что будет подрывать потенциал экономического развития.

При этом сохраняется задача наиболее эффективного использования потенциала сырьевого комплекса в целях получения доходов от внешнеэкономической деятельности и их рационального использования на цели модернизации экономики.

В свою очередь задача по снижению негативного влияния сырьевой специализации на экономический рост потребует нормализации доли импорта на внутреннем рынке (прежде всего – в секторе машин и оборудования) и последующего наращивания несырьевого экспорта [Структурно-инвестиционная..., 2017]. Стоит подчеркнуть, что в соответствии с международным опытом без прохождения стадии нормализации импорта на внутреннем рынке расширение несырьевого экспорта зачастую оказывается невозможным [Гнидченко, 2017].

Заключение

Данная статья была подготовлена до того момента, когда эпидемия коронавируса COVID-19 приобрела глобальные масштабы. Для экспертов и научного сообщества наблюдаемые уже сейчас последствия глобальной эпидемии стали полной неожиданностью. Возможность развития ситуации по столь жесткому сценарию еще в конце февраля 2020 г. представлялась весьма маловероятной.

Меры борьбы с распространением коронавируса, предпринимаемые в Азии, Европе и Северной Америке оказали шоковое воздействие на мировую экономику. По оценкам МВФ [World Economic Outlook, 2020], из-за стремительного сокращения конечного спроса в 2020 г. мировая экономика столкнется с кризисом, по своим масштабам превосходящим мировой финансовый кризис 2008–2009 гг.

На текущий момент нет полной ясности того, по какому сценарию будет развиваться эпидемия коронавируса в мире. Краткосрочные и среднесрочные прогнозы развития, сделанные сегодня, через несколько недель могут потерять свою актуальность. Вполне вероятно, что мировой экономике удастся избежать спада в 2020 г., но также существует высокая вероятность того, что кризис может оказаться не только масштабным, но и затяжным.

Однако как бы ни развивался текущий глобальный кризис, уровень включенности российской экономики в глобальные цепочки создания стоимости при прочих равных условиях будет оставаться достаточно низким, что является следствием сырьевой специализации.

В результате в текущей модели мирового распределения производства Россия получает весьма скромные выгоды

от расширения мировой торговли. Увеличение экспорта не сопровождается значимыми эффектами, связанными с формированием и распределением доходов в процессе межотраслевых взаимодействий.

При сохранении существующих качественных характеристик включенности российской экономики в мировое хозяйство, успешное решение задач социально-экономического развития представляется проблематичным. Это обусловлено тем, что, по последним оценкам, потенциальные темпы экономического роста в России не превышают 2% в год [Орлова и др., 2020], что явно недостаточно ни для повышения уровня и качества жизни большинства населения, ни для сокращения технологического отставания от развитых стран.

В настоящий момент можно обозначить три направления, по которым могла бы выстраиваться внешнеэкономическая стратегия России.

Во-первых – это наращивание экспорта сырьевых товаров. Развитие по данному направлению не позволит в ближайшие десятилетия выйти на уровень жизни развитых стран, но дает возможность обеспечить стабильность социально-экономического развития. Основные риски данного направления связаны с неопределенностью относительно будущего спроса на сырье, и в особенности на углеводороды.

Во-вторых – это развитие экспорта продуктов переработки сырьевых товаров за счет ограничений на экспорт сырьевых товаров и удержания относительно низких внутренних цен на углеводороды и сырьевые товары. Риски данного направления развития, помимо необходимости трансформации системы налогообложения и макроэкономической политики, состоят в высокой неопределенности привлечения зарубежных технологий для создания передовых обрабатывающих производств.

И, в-третьих – это выход на рынки стран с низким уровнем доходов с отечественной несырьевой конкурентоспособной продукцией: авиационная техника, специализированный грузовой транспорт, инфраструктурные решения в энергетике, технологии добычи природных ресурсов, а также военная техника и вооружения [Апокин и др., 2015]. Ключевая задача, которую предстоит решить в рамках данного направления, состоит в развитии высокотехнологичных производств и экономики знаний в условиях

существенных ограничений трансфера технологий из развитых стран, а также с опорой исключительно на внутреннее финансирование.

Литература

Апокин А., Белоусов Д.Р., Сальников В.А., Фролов И.Э. Долгосрочные социально-экономические вызовы для России и востребованность новых технологий // Форсайт. 2015. Т. 9. № 4. С. 6–17.

Гнидченко А.А. Импортозамещение как дополняющая стратегия // Проблемы прогнозирования. 2017. № 6. С. 27–36.

Гусев М.С. Внешнеэкономическая стратегия России в условиях меняющейся модели международной экономической интеграции // Экономические стратегии. 2019. № 1. С. 48–53.

Гусев М.С. Импортозамещение как стратегия экономического развития // Проблемы прогнозирования. 2016. № 2. С. 30–43.

Гусев М.С., Широков А.А., Ползиков Д.А., Янтовский А.А. Глобальные тенденции изменения структуры производства и доходов в мире и России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 6. С. 38–50.

Орлова Е.А., Белоусов Д.Р., Галимов Д.И. О модели потенциального ВВП и разрыва выпуска для российской экономики // Проблемы прогнозирования. 2020. № 2. С. 60–71.

Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России: монография / Под науч. ред. акад. В.В. Ивантера. М.: Научный консультант, 2017. 196с.

World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown. International Monetary Fund. Research Dept. Washington, DC, April 2020

Constantinescu C., Mattoo A., and Ruta M., “The global trade slowdown: Cyclical or structural?” IMF Working Paper. 2015. №. 15/6.

Статья поступила 16.03.2020.

Статья принята к публикации 28.03.2020.

Для цитирования: *Гусев М.С.* Положение России в мировой экономике: сценарии и прогноз // ЭКО. 2020. № 7. С. 29–43. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-29-43.

Summary

Gusev, M.S., Cand. Sci. (Econ.), IEF RAS, Moscow

Russia's Position in the Global Economy: Scenarios and Forecast

Abstract. The dependence of developed countries on import of industrial goods, the imbalance of foreign trade flows, environmental restrictions and high social stratification along with an unprecedented debt burden undermine the current model of globalization. Under these conditions, the relevance of building scenarios for global economy development and search for new strategies of integrating the Russian economy into global economy of alternative raw material specialization is growing. This paper is devoted to development of long-term scenarios for global

economy and assessment of potential for economic growth in Russia under conditions of preserving the raw material specialization in international trade under various scenarios of global economy development. Advantages and disadvantages of separate strategies for integrating the Russian economy into global economy are considered.

Keywords: *international integration; foreign trade; foreign economic strategy; protectionism; long-term development; structural and investment policy*

References

Apokin, A., Belousov, D., Salnikov, V., Frolov, I. (2015). Long-term Socioeconomic Challenges for Russia and Demand for New Technology. Foresight and STI Governance. Vol. 9. No. 4. Pp. 6–17. (In Russ.).

Constantinescu, C., Mattoo, A., and Ruta, M. (2015), “The global trade slowdown: Cyclical or structural?” IMF Working Paper. No. 15/6.

Gnidchenko, A.A. (2017). Import substitution as a complementary strategy. *Studies on Russian Economic Development*. No. 6. Vol. 28. Pp. 593–599. (In Russ.).

Gusev, M. (2019). Russia’s external economic strategy in the context of a changing model of international economic integration. *Economic strategies*. No.1. Pp. 48–53. (In Russ.).

Gusev, M. (2016). Import substitution as a strategy of economic development. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 27. Pp.138–147. (In Russ.).

Gusev, M., Shirov, A., Polzikov, D., Yantovskiy, A. (2018). Global Trends of Restructuring Production and Income Worldwide and in Russia. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 29. Pp. 607–616. (In Russ.).

Orlova, E.A., Belousov, D.R. & Galimov, D.I. (2020). A Model of Potential GDP and Output Gap for the Russian Economy. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 31. Pp. 171–180. (In Russ.).

Structural-investment policy to boost economic growth in Russia. (2017). Edited by V.V. Ivanter. Moscow: Nauchnyy Konsul’tant Publ.

World Economic Outlook, April (2020). The Great Lockdown. International Monetary Fund. Research Dept. Washington, DC.

For citation: Gusev, M.S. (2020). Russia’s Position in the Global Economy: Scenarios and Forecast. *ECO*. No. 7. Pp. 29–43. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-29-43.